

Остальные дни Цзинь Ван держал Е Шу в своей опочивальне, чтобы восстановить силы.

...Проклятое восстановление.

Он простоял всего несколько часов. Мышцы действительно болели, и через день-два ему явно станет лучше, но Цзинь Ван вел себя так, будто он серьезно ранен. Несколько дней подряд он не разрешал ему вставать с кровати, носил его на руках, куда бы тот ни пошел.

От такой близости Е Шу стало не по себе.

"Куда это ты опять собрался?" Не успели ноги Е Шу коснуться земли, как Цзинь Ван тут же поднял глаза от памятника.

Е Шу сделал паузу и подсознательно почувствовал некоторую неуверенность, но вскоре пришел в себя. Он смело сказал: "Я хочу принять ванну перед сном".

Цзинь Ван положил памятник, встал и подошел к Е Шу.

Е Шу отступил назад, словно столкнулся с грозным врагом. "Что ты собираешься делать?"

"Отнесу тебя в бассейн".

"....." Е Шу сердито сказал: "Я уже давно могу снова ходить!".

Цзинь Ван проигнорировал его и поднял на руки. Е Шу изо всех сил пытался сопротивляться, но тот слегка ущипнул его за поясницу, и он вдруг почувствовал, как по всему телу прошел электрический разряд, даже спинной мозг покалывает и немеет.

В эти дни его тело было в миллион раз чувствительнее, чем раньше. Больше всего он боялся, что Цзинь Ван применит к нему этот прием.

Е Шу перестал двигаться и покорно позволил Цзинь Вану отнести себя в бассейн.

Вода из горячего источника вытекала в бассейн из крана наверху. Цзинь Ван поставил Е Шу у бассейна и протянул руку, чтобы развязать его одежду.

Е Шу схватился за переднюю часть одежды. "Я всегда мог сделать это сам".

Рука Цзинь Вана замерла, и он сделал полшага назад.

Е Шу, не боясь, что на него посмотрят, расстегнул халат и пробормотал: "Я не такой уж и нежный. Когда ты так делаешь, мне всегда кажется, что я не могу ходить".

Цзинь Ван внимательно проследил за его словами и нахмурился. "Даже сейчас?"

Е Шу: "...Ничего страшного".

Цзинь Ван хотел спросить еще раз, но Е Шу махнул рукой. "Убирайся, быстро. Я иду мыться".

"Тогда позаботься о себе сам". Цзинь Ван сказал это и повернулся, чтобы уйти.

Вода в бассейне была подходящей температуры. Е Шу намочил себя и прищурил глаза, чтобы успокоиться.

Его стройные ноги лежали в нефритовой ванне, а пальцы мягко скользили в воде, чувствуя, как она медленно течет мимо.

Эти ноги... когда-то были бесчувственными.

Родившись с инвалидностью на обе ноги, Е Шу провел свое детство в детском доме, нуждаясь в посторонней заботе, чтобы вести повседневную жизнь.

Это было самое мрачное время в жизни Е Шу.

Возможно, впечатления его ранних лет были слишком мрачными, но он мало что помнил о том времени. Он помнил только, что однажды, несколько лет назад, он проснулся от неожиданности и внезапно почувствовал боли в ногах.

Никто не мог объяснить, почему это произошло. Этот опыт - медицинское чудо, как называли его врачи, - до сих пор озадачивал Е Шу.

И тогда же начались проблемы с желудком.

Он то терял, то набирал. Е Шу, как бы то ни было, не принимал это близко к сердцу.

Е Шу сонно погрузился в воду. Время шло, он сидел в оцепенении, и не знал, сколько прошло времени, когда шум воды внезапно раздался в его ушах.

Кто-то поднял его из бассейна.

"Разве ты не говорил своими устами, что справишься сам, а сам заснул в ванне..." Цзинь Ван недовольно хмыкнул, схватил халат, обернул им второго и вынес его из ванны.

Руки Е Шу обвилились вокруг шеи Цзинь Вана, бормоча во сне: "Не мешай мне..."

Как только Цзинь Ван увидел его таким, он понял, что этот человек, должно быть, снова видит сон. Он вышел с Е Шу на руках и усмехнулся. "Ты опять ругаешь Гу во сне? Дай мне послушать".

Е Шу только хмыкнул и ничего не ответил.

Цзинь Ван вскоре вернулся в свою спальню и положил Е Шу обратно на кровать. Е Шу слишком долго пробыл в бассейне. Обе его щеки покраснелись, длинные и тонкие ресницы слегка подрагивали от влаги.

Цзинь Ван провел кончиками пальцев по слегка влажным ресницам, провел по контуру лица и остановился на блестящих мягких губах, которые непроизвольно приоткрылись. Цзинь Ван нежно погладил их, ласково и в то же время двусмысленно. Кончики пальцев остановились на губах, и он уже собирался встать, когда услышал слабый негромкий оклик собеседника.

"А-Юань..."

Цзинь Ван сделал паузу.

Е Шу, на самом деле, уже давно не называл его так. С тех пор как он взошел на трон, каждая встреча с этим человеком проходила с вежливостью правителя и подданного, и часто они даже расставались в раздоре. Но после инцидента с убийством Е Шу вдруг начал несколько раз называть его этим именем, что не могло не вызывать у него отвращения.

Однако в этот раз все было иначе.

Голос молодого человека был теплым и мягким, словно котенок, который легонько царапается, раз за разом ударяясь о самое мягкое место в сердце.

Цзинь Ван наклонился и заглянул в спящее лицо. "Если ты обычно вел себя так же хорошо, как сегодня, то как же хорошо должно быть".

Затем он опустил голову и поцеловал Е Шу в лоб.

"Спокойной ночи, А-Шу."

-

Десять дней спустя правитель Чанлу повел свою незамужнюю супругу в родовой храм, чтобы поклониться предкам. Сопровождавшие их кареты и лошади проехали через всю улицу Чанлу. Люди с обеих сторон приветствовали их, с любопытством разглядывая караван.

Всем хотелось узнать, какова благородная супруга.

Но в итоге никто не увидел.

Благородная супруга и император ехали вместе в императорском экипаже, занавески которого были так плотно задернуты, что не было видно даже половины подола их одеяний.

Во второй половине дня караван прибыл к храму предков.

Императорский экипаж остановился перед храмом, и сопровождавшие его сто чиновников склонились в поклоне. Главный личный слуга приподнял занавес, и перед правителем предстала его легендарная благородная супруга, задрапированная в белоснежный лисий мех, лицо почти полностью закрыто белой вуалью, видны только яркие, пронзительные глаза.

Правитель вел свою супругу от главного входа в храм, и только потом через боковую дверь входили сто чиновников.

Ритуалы, связанные с церемонией поклонения, были настолько сложны, что на их выполнение ушло бы не менее трех дней, даже если бы Его Величество приказал их всячески упростить.

В парадном зале храма уже все было готово: читались обряды, звучала музыка, на столе горели благовония, от запаха которых в ноздри Е Шу ударила тошнота.

Е Шу приостановился в своих шагах, так как его желудок внезапно забурлил.

Цзинь Ван сразу же заметил его странности. "Нехорошо себя чувствуешь?"

"...Мне хочется блевать", - Е Шу выглядел бледным, потирая живот. "Опять укачивает".

"....." Цзинь Ван на мгновение замолчал, посмотрел на стол с зажженными благовониями и все понял. Это был единственный человек, который мог принять утреннюю тошноту за укачивание и так тщательно убедить себя в этом.

Е Шу не выносил запаха благовоний, но на церемонии предков он не решался блевать и с

трудом сдерживался.

Цзинь Ван посмотрел ему в глаза, затем повернулся к Гао Цзиню и сказал: "Сначала отведи молодого господина отдохнуть".

Гао Цзинь опешил и поспешно сказал: "Но... Ваше Величество, по обычаю молодой господин должен возжигать благовония вместе с вами, чтобы утешить духов предков".

Цзинь Ван бросил на него холодный взгляд. Гао Цзинь замолчал и поклонился: "...Да."

Несколько слуг быстро поддержали Е Шу и ушли. Сопровождавшая их сотня чиновников, стоявшая вдалеке, не понимая, что происходит, увидела, как благородный супруг уходит, и бурно отреагировала.

Такое, как уход на полпути церемонии предков, было неслыханно. Даже с самыми любимыми наложницами покойного императора так не обращались. Это было просто необычно!

Однако все лишь скрывали свои сомнения в душе и не осмеливались возражать. Только чиновник Двора императорских жертвоприношений, отвечавший за подготовку церемонии и стоявший ближе всех, видел эту сцену наиболее отчетливо. Он уставился на удаляющуюся спину благородного супруга, на мгновение растерявшись.

Почему лицо этого человека показалось ему знакомым?

<http://bllate.org/book/14246/1258601>